

БОГИНЯ, ИЗВЕРГАЮЩАЯ ПЛАМЯ: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ ХРАМА В КАНГРЕ

THE GODDESS SPITTING FIRE: MYTHS AND REALITY OF THE KANGRA TEMPLE

© 2021 **Ирина Павловна Челышева**

кандидат исторических наук, независимый исследователь,
Москва, Россия; de_chelyshev@list.ru,
ORCID ID: 0000-0002-3803-907X

Irina P. Chelysheva

PhD (History), Independent Researcher, Moscow, Russia;
de_chelyshev@list.ru, ORCID ID: 0000-0002-3803-907X

Статья повествует об одной из главных достопримечательностей североиндийского штата Химачал-Прадеш — о популярном центре религиозного паломничества индусов храме Джваламукхи, расположенном на территории дистрикта Кангра. Рассматриваются любопытные аналогии, существующие между этим храмом и святилищем огнепоклонников на территории Азербайджана — широко известным Сураханским атешгахом. Приводятся различные версии появления религиозного центра зороастрийцев в Азербайджане, включая «индусский след» в его возведении. С привлечением докладов Службы археологической инспекции Индии, анализируются и критически оцениваются различные гипотезы, касающиеся возможного периода основания храма. Исследованный материал позволяет прийти к заключению, что индусская святыня была основана в VI–VII в. н. э., хотя культ поклонения этой богине возник на территории Кангры значительно раньше, в первые века до н. э. Описывается средневековый период существования храма, в ходе которого он подвергался неоднократным опустошительным набегам мусульманских завоевателей: сначала правителей Делийского султаната, а затем империи Великих Моголов. Приводятся свидетельства мусульманских хроникеров, в том числе широко известного Махмуда Феришты, повествующих об этих походах и связанных с ними преданиях. Автор делится личными впечатле-

ниями от посещения храма Джваламукхи и описывает совершаемый в нем традиционный ритуальный обряд.

Ключевые слова: Индия, Химачал-Прадеш, Тригарта, Джаландхара, пураны, Махабхарата, Кангра, индуизм, буддизм ваджраяны, паломничество, тантра, Джваламукхи, шакти питх, империя Великих Моголов, Делийский султанат, сати, брахманизация

Для цитирования: Чельшева И. П. Богиня, извергающая пламя: мифы и реальность храма в Кангре. *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2021. № 1–2. С. 191–213. DOI: 10.18254/S268684310015822-2

The paper focuses on one of the most popular Hindu pilgrimage centers — Jwalamukhi temple, based in the Kangra district of the North-Western state of India, Himachal Pradesh. The temple is unique due to the absence of the main image. At the same time, people worship the deity as women's energy Shakti in the form of a fire. The author draws attention to peculiar analogies traced by some research scholars between this temple and the fire temple named Surakhan Ateshgah near Baku in Azerbaijan. Considering this subject, the author analyses different versions of the origin of the fire temple in Azerbaijan, including the so-called "Indian angle". Basing on the wide range of source material, including the reports of the Archaeological Survey of India established by the British colonial administration in 1861, the author evaluates and critically reviews various versions regarding possible dates of building this temple. Undertaken investigation allows concluding that the temple of Jwalamukhi could be founded in the 6th–7th centuries AD. However, the very cult of worshipping this goddess in Kangra might originate much earlier, in the first centuries BC. The article contains a cryptic narrative of the medieval history of the temple, supplemented by famous chronicles by Ferishta narrating how it was repeatedly subjected to devastating raids of Muslim armies, firstly led by the Delhi sultans and later by Mughal rulers. The description of the temple and religious rituals are based on the personal impressions of the author.

Keywords: India, Himachal Pradesh, Trigarta, Jalandhara, puranas, Mahabharata, Kangra, Hinduism, Vajrayana Buddhism, pilgrimage, tantra, Jwalamurkhi, shakti pith, Mughal Empire, Delhi Sultanate, Sati, Brahmanisation

For citation: Irina P. Chelysheva The Goddess Spitting Fire: Myths and Reality of the Kangra Temple. *Vostochnyi Kurier / Oriental Courier*. 2021. No. 1–2. Pp. 191–213. DOI: 10.18254/S268684310015822-2

Многие индийские историки и археологи считают, что области, ныне входящие в состав дистрикта Кангра северо-западного индийского штата Химачал-Прадеш, стали заселяться еще в доисторические времена, в эпоху Каменного века. Подтверждений этому немного, главным образом — наскальная живопись палеолитических художников и каменные орудия их труда [Balokhra, 1999, p. 189]. Первые более или менее достоверные сведения о древних обитателях этих земель можно встретить в **Ригведе** — древнейшем собрании религиозных гимнов и уникальном литературном памятнике Индии (создание текстов условно датируется второй

половиной-концом II тысячелетия до н. э. [*Ригведа*, 1989, с. 437]). В этом культовом памятнике встречаются упоминания первых известных мигрантов региона: этносов *даши*, *нишады* и *дашью*, переселившихся из областей, лежащих к югу от долины. Приблизительно к середине I тыс. до н. э. их вытеснила в леса и гористую местность накатившая с северо-запада волна индоарийского переселения. Вторжение, которому оказались не в силах противостоять местные правители, привело к изменению жизненного уклада народов, населявших эти территории.

Так возникли знаменитые *джананапеды*, или племенные республики, о которых рассказыва-

ется в древнеиндийском эпосе «Махабхарата». На территории долины Кангры и прилегающих к ней областей возникло четыре таких демократических образований: Аудамбара, Тригарта, условно подразделяемая на равнинную часть Джаландхара и горную — собственно Тригарта, Кулута и Кунинда. Из них на лидирующие позиции в экономическом и политическом отношении вскоре выдвинулась Тригарта, названная так благодаря протекающим по ее территориям трем рекам — Рави, Сатледж и Беас.

Считается, что Тригарта, в географическом отношении включавшая современный округ Кангра, возникла между VIII и V вв. до н. э. Известный древнеиндийский лингвист и историк **Панини** (V в. до н. э.), писал, что республикой правил избранный народным собранием Сушарма Чандра, помогавший клану Кауравов в эпической битве с семейством Пандавов. Об этом повествует «Махабхарата» [Balokhra, 1999, p. 192]. Упоминания об этих событиях встречаются также в «Маркандейя-пуране» и «Матсья-пуране»¹ Сведения о населявших эти области народах специалисты находят и в других древних памятниках — «Брахмана-самхите», «Вишну-пуране» и «Сапаатха-брахмане». При составлении хронологии периода древности и раннего средневековья ученым приходится полагаться на эти эпические и религиозно-литературные памятники. Дополнительным источником служат обнаруживаемые при раскопках медные и серебряные монеты.

Из краткого экскурса в древнюю историю становится понятно, что с незапамятных времен за право жить и управлять долиной Кангры на протяжении веков сражались сотни раджей, удельных монархов и знатных вельмож, иноземные завоеватели. Эта борьба, то разгораясь, то затихая, продолжалась вплоть до обретения Индией независимости в 1947 г.

Так что же привлекало сюда людей на протяжении тысячелетий? Ответ мы находим в запи-

сках знаменитого китайского путешественника и буддийского монаха **Сюань-цзана**, посетившего эти места во время путешествия в Индию в 630–643 гг. (см. [Александрова, 2018]). Считается, что на территории Тригарты, к тому времени уже прекратившей существование в форме республики, он побывал дважды: в марте 635 г. и в 643 г. «Земля здесь пригодна для выращивания злаковых культур и родит много риса. Леса густы и тенисты, а фрукты и цветы произрастают в изобилии. Климат теплый и влажный, люди храбры и энергичны, хотя с виду выглядят обычно и даже простовато. Дома богаты и хорошо снабжаются», — писал Сюань-цзан [Singh, 1982, p. 60–61].

В унисон звучит и народная песня жителей долины, хотя эти источники разделяют сотни веков: «Моя страна Кангра прекрасна. Здесь протекают глубокие реки, есть множество зеленых долин, местные женщины очаровательны, а мужчины энергичны и сильны» [Thakur, 2006, p. 223], отражая глубоко прочувствованное восприятие этой территории как родной земли — *деш*. Для уроженцев Кангры это понятие гораздо важнее осознания себя гражданами Индии и жителями штата Химачал-Прадеш. Приоритет сопричастности конкретному месту носит в Кангре ярко выраженный характер. Возможно, это чувство сформировалось под влиянием бурных исторических событий, выпавших на долю этой многострадальной земли: территория с мягким климатом, плодородными почвами в доступных предгорьях Гималаев, непосредственная близость к долинному Панджабу, сулящая торгово-экономические преимущества, с глубокой древности притягивала не только созидателей, но и разрушителей.

Самым интенсивным и опустошительным набегам Кангра подвергалась в средние века, когда здесь правила **династия Каточ**, которая, согласно легендам, берет начало от небожителя — раджи Бхум Чандра, чудесным образом появившегося

¹ *Пурана* (санскр.) — «повествование о древности». Особый жанр священной литературы индуизма, относящийся к традиции смрити (досл. «запомненное»). Рассматриваются как тексты, в стихотворной форме излагающие достоверные события прошлого, а также пророчества о будущем.

Илл. 1. Горный хребет Дауладхар на закате солнца²

Илл. 2. Заснеженные горные вершины хребта Дауладхар достигают 4500 метров над уровнем моря

Илл. 3. Плодородные долины Кангры издавна привлекали переселенцев из многих областей Индии

на свет из пота, упавшего со лба одной из высоко почитаемых богинь. Дата волшебного рождения относится ко временам великой войны, описанной в «Махабхарате». Приблизительно с 1500 г. до н. э. царственный род Каточ не прерывался и в общей сложности объединил свыше 500 раджей, в разные годы правивших на территориях Тригарты-Джаландхары [*Gazetter of the Kangra District*, 1994, р. 33]. Правление династии было отнюдь не безоблачным: начиная с печально известного опустошительного набега султана Махмуда из Газни в начале XI в., войска мусульманских правителей не оставляли раджпутских князей в покое. Очарованный красотой здешних мест, падишах **Джахангир** (прав. 1605–1627 гг.) одно время даже хотел построить тут летнюю резиденцию. Последними непрошенными гостями на землях Кангры стали английские колониальные власти. Не встретив особого сопротивления, они взяли эти территории под контроль в 1846 г. [*Balokhra*, 1999, р. 319].

Несмотря на бурную историю, жители долины Кангры сохранили не только самобытные традиции, но и особую взаимосвязь с природой. Пожалуй, нигде в предгималайском регионе не встретишь более живописный ландшафт: удивительно яркие сочно-зеленые луга и возделанные поля, пересекающие их стремительные горные реки и **заснеженный хребет Дауладхара**, возвышающийся над пейзажем подобно огромной крепостной стене (*Илл. 1*). Горная цепь так близко подходит к долине, что кажется, именно она сохранила ее красоту и спокойствие. Об этом же, отойдя от сухого канцелярского стиля, в лирических тонах писал в отчетах один из чиновников британской колониальной администрации: «В других областях Гималаев эффект, производимый заснеженными вершинами, во многом размывается или вовсе теряется благодаря расположенными перед ними горам; следя взором за чередой постепенно поднимающихся все выше хребтов, наблюдатель словно подготавливается к тому, чтобы насладиться великолепи-

² Здесь и далее все фотографии © автора.

ем заснеженных вершин, венчающих эту горную череду. В Кангре же ничто не затмевает взор. Более низкие холмы напоминают лишь рябь на поверхности моря и взгляд сразу же, без помех, фиксируется на горной гряде, достигающей абсолютной высоты свыше 13 тыс. футов (максимальная высота горной гряды Дауладхар достигает 4500 м. над уровнем моря), возвышающейся над лежащей у ее подножья долиной. Очень немногие места в Гималаях могут соперничать с Кангрой по красоте и величию» [*Gazetter of the Kangra District*, 1994, р. 9] (Илл. 1, 2, 3).

Говоря об источниковедческой базе изучения региона, признаем, что реферативные сборники времен британской колониальной администрации по истории, этнографии, архитектуре и культуре гималайских регионов, так называемые *газеттиры*, как и доклады Службы археологической инспекции Индии позапрошлого столетия не утратили значимости и в наши дни, продолжая, как и прежде, служить ценным, а в некоторых случаях едва ли не единственным источником для многих современных индийских и зарубежных исследователей.

Великолепие долины (Илл. 4, 5) вдохновляло многие поколения талантливых мастеров миниатюры, переселявшихся сюда из Дели начиная с XVIII в. и создавших особый художественный стиль. Под покровительством **раджи Сансара Чанда** (1775–1823 гг.) страстного любителя искусства, эта школа достигла апогея, после чего пошла на спад. Попав в столь чарующую атмосферу, художники смогли не только сохранить в произведениях элегантный стиль могольского рисунка, но и насытить создаваемые миниатюры духом самой долины — развлечениями и досугом раджпутских князей, любовными похождениями бога Кришны, особым природным очарованием этих мест. С течением столетий (в особенности под натиском техногенной цивилизации) долина Кангры отчасти утратила исконное очарование, но многое из того, что делает ее одним из интереснейших мест в предгорьях Гималаев, все же сохранилось.

Илл. 4. Чай, собираемый на многочисленных горных плантациях долины Кангра, славится тонким ароматом

Илл. 5. Река Беас, протекающая по долине Кангры

Илл. 6. На улицах Дхармшалы — резиденции духовного лидера Тибета Далай Ламы в изгнании

Илл. 7. Буддийский монах с ритуальным духовым инструментом – морской раковиной.

Илл. 8. Буддийский институт Дорзонг, открытый в верхней Кангре в 2010 году четырнадцатым Далай Ламой

Илл. 9. Обучающиеся в институте юные монахи за молитвой

Илл. 10. Молодые монахи относятся к учению весьма серьезно

Илл. 11. Буддийский монастырь Таши Джонг в Кангре на пути к городу Палампур

Илл. 12. Внутренний двор одного из крупнейших буддийских монастырей Кангры — обители Палпанг Шерблинг

Илл. 13. Монастырь Палпанг Шерблинг

Илл. 14. Внутреннее оформление монастыря выдержано в традиционном стиле тибетского буддизма

Илл. 15. Буддийские ступы и молитвенные флаги монастыря Палпанг Шерблинг

В последние десятилетия район Кангры пользуется большой популярностью среди желающих поближе познакомиться с современными буддийскими монастырями, прочно обосновавшимися в северной части долины начиная с середины XX в. Своеобразным центром притяжения для туристов стала **Дхармшала**, еще в 50-х гг. прошлого столетия получившая титул столицы буддистов в изгнании во главе с Далай-ламой (Илл. 6). Знакомство с разновидностями тибетского буддизма в этих районах Гималаев несомненно чрезвычайно интересно, хотя сама Дхармшала, как и ее самая сакральная часть, ранее именуемая Маклеодгандж, с течением времени превратились в коммерческий центр туриндустрии. Говорить об особой духовной атмосфере этих мест не приходится, не говоря

о чудовищной экологической загрязненности самого городка и прилегающих районов.

Наверное, не случайно в изгнании Далай-лама выбрал своей резиденцией Дхармшалу. Античная буддийская культура процветала на территории Тригарты еще в VII–VIII вв. до н. э., чему обнаруживается немало археологических подтверждений [Handa, 1994, p. 22]. Китайский путешественник, буддийский монах Сюань-цзан был уверен, что эти районы посещал некогда сам Будда. Подтвердить или опровергнуть это заключение невозможно, но буддизм процветал на территории Кангры во времена правления его великого покровителя императора **Ашоки** (273–232 гг. до н. э.), затем во времена Кушанского царства (105–250 гг. н. э.) и в особенности при императоре Канишке (100–144 гг.) —

Илл. 16. Развалины уникального древнего храмового комплекса Мазрур, время постройки которого датируется VII–VIII вв. н. э.

известном почитателе буддизма, основателе множества буддийских монастырей и *вихар*. К VIII в. буддийское влияние в долине стало ослабевать под натиском брахманизма и постепенно существенно сократилось (илл. 7–15).

Кангра остается преимущественно индуской с четко выстроенной шкалой приоритетов большой традиции индуизма. Это отличает Кангру от других предгорий Гималаев, где различные религиозные культы жителей гор — *пахари* подверглись долинной брахманизации, а в некоторых отдаленных районах, вроде области Киннора, граничащей с высокогорными районами Лахаула и Спити, до сих пор представляют собой запутанную амальгаму традиционных культов автохтонных божеств с привнесенными элементами большой традиции. Не случайно в трудах многих исследователей можно встретить существенные расхождения относительно природы и происхождения того или иного местного культа.

При всей значимости буддийских монастырей интерес к долине Кангры не ограничивается только ими: здесь можно обнаружить массу достопримечательностей для туристов и интересные темы для научного исследования. Даже, казалось бы, наиболее известные раритеты Кангры: храм богини Джваламукхи (ориентировочно IV в.) и древний вытесанный из скальной породы храмовый комплекс Мазруп (VIII–IX вв.) (Илл. 16) ставят вопросы, на которые не всегда находятся однозначные ответы. И уж совсем загадочными представляются выдолбленные в скальной породе округлой формы лунки, как их принято условно называть, «чашечники», обнаруженные мной в нижней части долины Кангра в апреле 2014 г. Эти необычные творения человеческих рук были впервые зафиксированы в предгорьях Гималаев английским историком и археологом Дж. Х. Ривет-Карнаком во второй половине XIX в. Упомянутые достопримечательности долины Кангра — лишь малая

толика того, чем интересны эти места. Об одном из них — легендарном храме Джваламукхи, расскажу подробнее.

ОХРАННАЯ ГРАМОТА ХРАМА ДЖВАЛАМУКХИ

Само название Джваламукхи, может условно переводиться как «богиня, извергающая пламя». Это не метафора: в храме действительно поклоняются огню. Располагается храм на окраине города с одноименным названием, на небольшом плоскогорье, в недрах которого находятся богатые месторождения природного газа. Несколько газовых источников бьют из-под земли непосредственно под фундаментом этого строения и органическим образом вписаны его строителями во внутренний интерьер храма. Языки пламени увязывали в древности с автохтонной богиней Джалпой, покровительницей Кангры. Позже, в процессе санскритизации³, имя богини претерпело изменения, и она стала именоваться Джаваладжи и ассоциироваться с Дургой, или Сати, с именем которой в Индии связаны особо священные места поклонения женскому энергетическому началу — Шакти.

Природные залежи метана располагались в данной местности испокон веков, а местные жители издревле почитали и продолжают почитать горящие языки пламени как божественное чудо. В светской интерпретации все выглядит гораздо прозаичнее: официально месторождение в долине Кангра было открыто и введено в промышленную эксплуатацию при техническом содействии Советского Союза в 1957 г. в рамках претворения второго пятилетнего плана экономического развития Индии [Россия & Индия, № 4, 2012, с. 39].

Точное время возведения храма Джваламукхи определить сложно: дата основания нигде не зафиксирована. С учетом сакрального статуса места этот вопрос на протяжении столетий продолжает оставаться в центре внимания многих

3 Санскритизация — процесс, с помощью которого каста или племена, находящиеся ниже в кастовой иерархии, стремятся к восходящей мобильности, подражая ритуалам и практикам доминирующих или высших каст. Термин ввел в научный оборот индийский социолог М. Н. Шринивас в 50-х гг. XX в.

историков и археологов, высказывающих на этот счет разные предположения. Известный индийский деятель культуры и историк **Нилмани Упадхья** предполагает, что храм богини Джваладжи в долине Кангры мог быть построен не кем иным, как пятью братьями-Пандавами из «Махабхараты». Это означало бы приблизительно вторую половину I тысячелетия до н. э. с учетом того, что сама датировка этого монументального памятника письменности Индии до сих пор остается под вопросом. В подтверждение гипотезы ученый приводит слова из религиозного гимна в честь богини Джваладжи. В ней поется: «Пять братьев-Пандавов построили этот храм, а Арджуна (герой «Махабхараты», один из братьев Пандавов, под чьим предводительством они сражались на поле брани) благословил его, обмахивая *чанваром* (ритуальным венчиком из шерсти хвоста яка. — *И. Ч.*) [Upadhyay, 2008, p. 115]. Известный ученый пишет об этом вполне серьезно, в чем нет ничего удивительного; мне не раз приходилось сталкиваться с подобным отношением к мифологии. Многие, вне зависимости от уровня образования или статуса, воспринимают эпических героев как реальных исторических персонажей. Скептики же нередко подвергаются общественному ostracism или даже увольняются с работы.

Многие исследователи соглашаются с датировкой, предлагаемой Н. Упадхья, предлагая считать основателем храма легендарного продолжателя рода Каточ — 234-го раджу **Сушарма Чандру**, сражавшегося, как повествует «Махабхарата», на стороне Кауравов в эпохальной битве на поле Курукшетра. С допущением историчности Сушармы Чандры соглашался археолог с мировым именем, занимавший пост генерального директора Службы археологической инспекции Индии, англичанин Александер Каннингхэм [Cunningham, 1875, p. 148], склонный, однако, в свойственной европейцам рационалистической манере, больше полагаться на письменные источники, а не на предания. Основываясь на

дневниковых записях Сюань-цзана, он заключает, что храм был основан гораздо позже времен «Махабхараты» — в 650 г. н. э. [Cunningham, 1875, p. 170].

Бесспорно одно: место, где расположен храм Джваламуххи, обожествлялось с древности; в легендах, освящающих эту святыню индуизма, находят отзвуки события различных эпох и символика древних культов. Одна из самых ранних местных пуран связывает газовые источники с пламенем, идущим изо рта демона Джаландхара (асура-раджа)⁴. В раннем средневековье и до XI в. не только территория Кангры, но и близлежащих горных районов, а также часть современного штата Пенджаб, носила название **Джаландхара**. В соответствии с мифом, сам Шива создал Джаландхару сиянием своего третьего глаза. Со временем божественный отпрыск переменялся к худшему и принялся угрожать другим богам, а его царство стало воплощением террора. Когда боги попросили Шиву избавить их от тирана, тот отрубил Джаландхаре голову, но она приросла снова. Тогда Шива закопал тело гиганта в долине Кангры. Демон, впрочем, занял довольно много места и некоторые его части пришлось закапывать на сопредельных территориях; в итоге он поместился на площади свыше 165 кв. км. Легенду приводит в докладе английский археолог А. Каннингхэм [Cunningham, 1875, p. 146].

Другой вариант легенды, цитируемый исследователем по «Падма-пуране», повествует о Джаландхаре как сыне священной реки Ганги и «отца рек» — океана Сагара. Сам Брахма восхищался проявившейся еще в младенчестве силой Джаландхары. Когда ребенок подрос, боги попросили океан отвести воды, чтобы дать ему царство. Однако юноше показалось этого недостаточно, и закончилось все так же, как и в первом случае: Шива обезглавил смутьяна. Как и в первой легенде, голова снова приросла, и Шива закопал труп в долине. В легенде интересна не столько тривиальная история тирана, сколько ее увязка с гипотезой о возможном существо-

4 Асуры в индуизме — низшие божества — демоны, титаны и полубоги, находящиеся в оппозиции богам.

вании океана на территории Кангры. В XIX в. английские археологи нередко находили здесь характерные отложения ракушек и кораллов, что позволило предположить, что в доисторические времена регион составлял часть материка Гондвана, омываемого океаном.

Традиционное паломничество в этих местах проходит по маршруту, следующему очертаниям тела поверженного демона: его голова, была закопанной к северу от реки Беас под храмом Джваламукхи, огромное тело заняло все пространство Джаландхары между реками Беас и Сатледж, спина упокоилась под одноименным княжеством, а ноги простерлись до Мултана (город в пакистанской провинции Панджаб) [Balokhra, 1999, p. 302–303]. Поклонение в храмах, воздвигнутых на этом маршруте, вошло в религиозную жизнь Кангры как *джаландхара-питха* (*питха* — «сиденье», «место», может обозначать храм в месте пребывания божества). Храм Джваламукхи занимает в этой цепочке почетное место, обозначая находящуюся под землей голову Джаландхары с огнедышащим ртом. Впрочем, в зависимости от мифологического источника, положение закопанного под землей демона описывается по-разному, поэтому, и храм Джваламукхи порой отождествляют с иными частями тела поверженного тирана. Главное, что остается неизменным, — контуры мифологического персонажа.

Древние легенды о демоне Джаландхаре, лежащем под землей обширной долины, где до X–XI вв. располагалось одноименное царство, были не единственным обоснованием святости храма Джваламукхи. Здесь с течением столетий местная богиня обрела общеиндийский статус и ей стали поклоняться в образе Дурги или Сати — божественных жен Шивы. С именем Сати в Индии ассоциируются особо священные места поклонения женскому энергетическому началу — Шакти.

Расположение таких мест вытекает из мифологического повествования о **самосожжении Сати**, супруги бога Рудры-Шивы и дочери владыки всех живых созданий Дакши. Она броси-

лась в жертвенный костер в знак протеста против унижения ее божественного мужа, не приглашенного на священное торжество. Пураны начала раннего средневековья («Калика», «Девибхагавата», «Махабхагавата» и др.) повествуют о том, как боги, испуганные отчаянием Шивы, в отчаянии метавшегося над землей с телом Сати, обратились к Вишну, моля отвлечь возможную беду. Тогда Вишну разрубил своим чудесным диском мертвое тело, и его части упали на землю в разных точках, которые с тех пор почитаются как особые места силы Шакти — *шакти питхи*. В зависимости от источника повествования их насчитывается от 51 до 108 (наибольшее число сакральных центров указано в «Девибхагавата-пуране»); Джваламукхи упоминается как место падения языка Сати. Так, возможно, по ассоциации с неугасимыми языками пламени, появилось и название, которое может переводиться и как «огненнаязыкая богиня» Джвала.

Поклонение огню — широко распространенная традиция, свойственная не только индуизму, но и зороастризму. Мы вспомнили об этом не случайно: некоторые азербайджанские историки полагают, что храм, именуемый Бакинский или **Сураханский Агешгах** на Апшеронском полуострове неподалеку от Баку, является аналогом храма Джваламукхи. Первые упоминания о бакинском храме относятся к X в. н. э., хотя более распространена точка зрения, согласно которой он был заложен в XVII в. Местные историки и археологи не пришли к единому мнению о его посвящении: некоторые считают, что это зороастрийский храм, другие, ссылаясь на интенсивную миграцию индусов из Мултана и Панджаба на территорию нынешнего Азербайджана в раннем Средневековье, утверждают, что храм изначально был построен индийскими торговцами и паломниками в честь богини Джваладжи, третьи занимают компромиссную позицию, ссылаясь на то, что поклонение огню характерно и для индусской, и для зороастрийской традиций (*агни* и *атар* соответственно).

Сторонники индусского происхождения атешгаха выдвигают весомый аргумент: большинство

надписей на храме сделано на санскрите и панджаби, за исключением одной на персидском, выгравированной с ошибками. Надписи гласят, что храм был построен и освящен для богини Джаваладжи. В надписях на санскрите упоминаются Ганеша и Шива, а на панджабском фигурируют цитаты из священной книги сикхов — «Ади Грантх».

Интересно, что оба храма очень похожи и выполнены в строгом архитектурном стиле с характерным куполом. Возможно, на этом основании многие верующие называли святилище в Кангре «меньшим Джаваладжи», а храм близ Баку — «большим Джаваладжи» (об этом упоминает английский историк А. В. Уильямс Джексон [Jackson, 1898, p. 28]). Вопрос идентификации храма в Сураханах до сих пор остается дискуссионным, волнует не только академические круги, но и представителей широкой общественности Азербайджана.

Что же касается храма в Кангре, то интерес вызывает не только он сам, но и древние заброшенные пещеры, расположенные недалеко от комплекса. По предположению известного исследователя западно-гималайского региона д-ра О. Ч. Ханды, в них в раннем средневековье вполне мог жить **Сидха Нагарджуна** — индийский мистик и алхимик, обладавший сверхъестественными способностями — *сиддхи*. В контексте статьи речь идет именно о Сидхе Нагарджуне, жившем в VIII в. н. э., а не о южноиндийском брахмане, знаменитом Нагарджуне — теоретике буддизма махаяны и современнике императора Канишки, путешествовавшем по современному гималайскому штату Химачал-Прадеш во II в. н. э. Упоминания о первом можно встретить во многих эзотерических текстах, в том числе в «Гухьясамаджа-тантре» [Handa, 1994, p. 98]. Присвоение ему магического титула *сиддхи*, или «совершенный», говорит о многом. В древних текстах часто встречаются рассказы о сверхъестественных способностях *тантриков*, обретаемых в ходе многолетней эзотерической практики. Им приписывалась способность видеть прошлое и будущее, пребывать в тонком

теле в пещерах Гималаев, переноситься по воздуху из одного места в другое, становиться невидимыми, обладать знаниями, неподвластными обычным людям. Сиддхи славилась по всей Индии, их уважали, им поклонялись. В северной Индии, в западных и центральных Гималаях, они были известны как *натха* (владыка). Этих последователей шиваитской тантрической школы безропотно слушали могущественные правители, они пользовались огромной популярностью в народе. Традиции вероучителя и теоретика *натхов* гуру Горакхнота нашли широкое распространение, отразившись в народных сказаниях и притчах Кангры.

Если о храме Джваламуххи древности и раннего Средневековья существуют лишь косвенные свидетельства, то в период мусульманского владычества эта святыня обретает на страницах хроник более конкретные очертания. Немало интересных историй относится ко временам правления делийского султана Фируз-шаха Туглака (пр. 1351–1388). В одной из них речь идет о вторжении войск султана в Кангру в 1361 г. и о битве с правившим там раджей из династии Каточ Руп Чандом. **Защитники форта Нагаркот** (как называлась в древности Кангра) потерпели поражение, раджа был вынужден пасть ниц перед победителем, но тот оказался милосерден — поднял раджу с земли, и, приказав выдать ему праздничные одежды и зонтик, отправил обратно в крепость. Контрибуцию, правда, все равно пришлось выплачивать, а крепость на десятилетия перешла под управление мусульманской династии (*Илл. 17–19*).

Самое интересное произошло потом, о чем повествует Махмуд Касим Феришта — средневековый индийский историк иранского происхождения, служивший при дворе султана Биджапура. По его словам, жители Нагаркота рассказали Фируз-шаху, что индусы с незапамятных времен поклонялись в храме Нагаркота (самым популярным в городе был храм Ваджешвари Деви) образу **Наушабы, супруги Александра Македонского**, которую они нарекли Джваламуххи. Выслушав рассказ, победитель

Илл. 17. Так выглядит некогда неприступный форт раджей династии Каточ в старинном городе Нагаркот (ныне Кангра) после многочисленных набегов и разрушительного землетрясения 1905 г.

Илл. 18. Узкая мощеная дорога в крепость, проходящая через несколько ворот

Илл. 19. Все, что осталось от одного из индусских храмов, некогда существовавшего на территории крепости

милостиво оставил образ верующим. По другой версии, он приказал отправить образ в Мекку и бросить в дорожную пыль, дабы по пути к святыне ислама правоверные попирали его ногами.

Как отмечает английский археолог Александр Каннингхэм [Cunningham, 1875, p. 166], мусульманский хроникер допускает ошибку и путает двух богинь — Мата Деви из храма Ваджешвари Деви в Нагаркоте и Джваламукхи в одноименном храме в 35 км от этого города, по дороге в крепость. Более того, говоря о храме в Нагаркоте, хроникер отмечает, что там хранилась уникальная индусская библиотека, насчитывавшая более 1300 томов, что также сомнительно. Древний шактийский храм Ваджешвари Деви неоднократно осквернялся мусульманскими завоевателями, а в ходе печально известного похода Махмуда Газневи (1008–1009) его практически стерли с лица земли, разграбив богатое убранство и щедрые подношения раджей; вряд ли могла сохраниться и библиотека (Илл. 20–23). Храм же Джваламукхи, расположенный в стороне от баталий за Нагаркот и его знаменитый форт, не подвергся подобным разрушениям. Ненависть мусульман к изображениям индусских богов не распространялась на святилище, где не было как такового образа Джваламукхи — богиню символизировал огонь. Существование библиотеки при этом храме, выглядит более логичным, хотя фактов, способных подтвердить это предположение, у нас нет. В хрониках Феришты указывается на особую заинтересованность, проявленную Фируз-шахом Туглак к найденной библиотеке: по его повелению придворный Иззудин Кхалид Кхани перевел некоторые из этих книг на персидский.

В любом случае очевидно, что храм Джваламукхи был средоточием сакральных знаний и учености, что наглядно подтверждается руководством для пилигримов «Джаландхара питха дипика», написанном в 1864 г. аскетом Прахладанандой. Работа включала подробный свод предписаний для паломничества к 141 священному центру, надлежащих к посещению за 68 дней пешего странствия [Sharma, 2001, p. 162].

Бытует еще одно предание о Фируз-шахе, где повествуется, что он якобы посещал храм Джваламукхи по дороге в Кангру. Каннингхэм допускает такую вероятность, но замечает, что султан мог посетить храм из элементарного любопытства, чтобы посмотреть на огни [Cunningham, 1875, p. 171]. Народная молва трактует визит иначе: будто бы султан отдал почести сакральному месту в соответствии с индусскими ритуалами, попросил благословения у богини и сделал многочисленные подношения. Вполне вероятно, что Фируз-шах действительно посетил храм: брахманы рассказывают об этом с полной уверенностью; предание оживленно обсуждалось даже спустя двести лет после похода султана на Кангру. В гневных отповедях этим инсинуациям исламские летописцы утверждали, что все эти небылицы специально выдумали служители храма, дабы поднять авторитет храма в глазах верующих, в то время как в действительности султан был «очень набожным, богобоязненным человеком, который на протяжении всех сорока лет правления строго следовал исламскому закону» [Cunningham, 1875, p. 171].

Эту точку зрения разделяет и Каннингхэм. «Невозможно представить, чтобы какой-либо магометанский правитель, находящийся в зените могущества и тем более при свите, будучи в здравом уме, простерся бы перед *пинди* (абстрактный образ женского божества в индуизме, в данном случае — скала. — И. Ч.) или принял участие в нелепом маскарадном представлении, столь елейно описываемом индусским бардос» [Cunningham, 1875, p. 175].

Местные легенды на протяжении столетий тиражируют назидательную историю о могущественном правителе **Акбаре** (пр. 1556–1605), войска которого неоднократно вторгались на территорию Кангры. Раззадориваемый красочными рассказами придворного Тодара Мала об удивительных достопримечательностях края, Акбар якобы решил посетить храм Джваламукхи (факт визита нигде не зафиксирован). Известно лишь, что во время посещения Кангры в 1582 г. могольский правитель находился не-

Илл. 20. У главного входа в знаменитый храм Нагаркота в честь богини Ваджевари Деви

Илл. 21. Грозные бронзовые львы и пантера, охраняющие вход в храм. Символика характерна для тантрийского культа поклонения женскому энергетическому началу — Шакти

Илл. 22. Верующие собираются у хода в храм, ожидая открытия

Илл. 23. Храм богини Ваджешвари Деви в Кангре

подалеку от святилища. В народной молве визит Акбара в храм обрел реальные очертания. Начало его визита не предвещало ничего хорошего: желая потушить горящее в храме пламя, Акбар приказал соорудить желоб, чтобы вода постоянно лилась на священный огонь. Однако к изумлению императора, пламя так и не погасло. Тогда, уверовав в силу Джваламукхи, Акбар будто бы сделал храму дорогое подношение в виде выполненного из чистого золота зонта. Но в душе он все равно испытывал пренебрежение к богине и, золото, по преданию, превратилось

в простой металл (Илл. 24), и Акбар вернулся в храм просить прощения за гордыню. Что произошло в действительности, неизвестно, ясно лишь, что храм не разрушили и не осквернили. Не нарушил спокойствия этого места и сын Акбара Джахангир во время вторжения в Кангру в 1615–1628 гг.

В унисон с индусской интерпретацией посещения храма Джваламукхи падишахом Акбаром звучат аргументы, выдвигаемые сторонниками индийского следа в происхождении бакинского атегшаха: предполагается, что Акбар, будучи еще

Илл. 24. Подаренный Акбаром святилищу золотой зонт, позже волшебным образом превратившийся в бронзовый

ребенком и находясь с семьей в изгнании, мог слышать рассказы о бакинских «вечных огнях». Вот тогда-то, как утверждают авторы теории, он и стал тайным поклонником богини Джваламукхи и именно поэтому посетил ее храм в Кангре, когда стал падишахом.

Имеющая историческое подтверждение история произошла в начале XIX в., когда в 1809 г. храм посетил сикхский махараджа Ранджит Сингх (пр. 1801–1839). Это был не простой визит вежливости: под сенью святилища состоялась важная встреча с раджей Кангры Сансар Чандом II (пр. 1785–1823).

В те годы раджа из рода Каточ, владевший знаменитой крепостью Нагаркот стремился подчинить соседние княжества. Его противники обратились за поддержкой к Амар Сингху Тхаппе, командиру отряда непальских гуркхов. Совместными усилиями они одолели Сансар Чанда, а тот попросил помощи могущественного махараджи Ранджита Сингха, разбившего непальцев и изгнавшего их из долины. Однако за помощь пришлось отблагодарить: для заключения договора 20 июля 1809 г. раджа, переодевшись крестьянином, отправился в храм Джваламукхи, где его ожидал Сингх. Там, призвав в свидетели священный огонь Джваламукхи, они пришли к соглашению: форт вместе с частью территории Кангры переходил под контроль Сингха, раджа же оставлял за собой собственность и земли в долине, сохраняя город Тирасуджанпур. Для

придания договору законной силы махараджа приложил к тексту окрашенную шафраном ладонь.

Впоследствии, уже в 1815 г., в знак благодарности Джваламукхи, Ранджит Сингх распорядился покрыть позолотой купол храма, его сын Кхарак Сингх подарил храму покрытые серебром двери, сохранившиеся до сих пор, а сикхская община из Амритсара (священного города сикхов и второй столицы их государства) собрала пожертвования на изготовление мраморного пола. В самом храме хранится экземпляр священной книги сикхов, подаренный посетившим это место десятым гуру Гобиндом Сингхом.

За долгие годы существования храмы Джваламукхи (Илл. 25) и Ваджешвари Деви обросли массой слухов и поверий: во многих преданиях они выступают как две части целого, между которыми не существует различий. Один из них фигурирует как место проведения символических жертвоприношений, о чем упоминает Абу Фазл, великий визирь при дворе Акбара (1551–1602). Он отмечает, что среди паломников получила распространение практика жертвоприношения, когда в знак особого почитания божества **обрезалась часть собственного языка, который потом чудесным образом выросал вновь** через несколько дней или даже часов [Cunningham, 1875, p. 167]. Хотя в храме Джваламукхи ритуал жертвоприношения животных сохраняется по сей день, в хрониках речь скорее всего шла о хра-

Илл. 25. Традиционный бронзовый лев охраняет покой обитающей в храме богини

ме Ваджешвари Девы, история которого восходит к тантрийскому⁵ буддизму ветви ваджраяны и его богине Марачи Ваджраварахи. В древности и в раннем средневековье здесь также практиковали человеческие жертвоприношения. С брахманизацией этой богини храм превратился в одно из мест поклонения женской энергии Шакти. Однако связь таких святилищ с тантризмом ваджраяны как правило не прерывается с изменением сакрального статуса храма, и тантрийский ритуал в той или иной степени сохраняется. Иногда часть несовместимых с большой традицией индуизма ритуалов производится тайно, как правило с использованием объектов, имитирующих реальную жертву. Жертвоприношения животных практикуются и поныне.

ПУТЕШЕСТВИЕ К ОГНЕННОЙ БОГИНЕ

Проходили столетия, бушевали войны, прокатывались по долине опустошительные набеги, а храм Джваламукхи сохранялся вопреки превратностям судьбы. Молва о чудесном месте распространилась за пределы Джаландхары еще в древности, и святилище прочно заняло место среди сакральных объектов общеиндийского масштаба. Распространению информации о чудесных

огнях способствовали представители сообщества религиозных аскетов-госаинов, проживавших в городке подле святилища. Они составляли своеобразную корпорацию шиваитских аскетов, причудливым образом совмещавших коммерцию с религией. В XVIII–XIX вв. они входили в число наиболее активных и влиятельных торговых общин Индии. Эти вооруженные мечами коммивояжеры с длинными волосами, закрученными в пучки, следовали из Кангры через долины Панджаба с именем Шивы на устах к другим священным городам Индии, обменивая по дороге дорогие кораллы, золотую пудру и мускус на шерстяную одежду, жемчуг и южные специи. Но главной составляющей их коммерции была торговля опиумом, а позднее — уникальными шальями ручной работы, производившимися в горных районах. Многие паломники были весьма состоятельны, им принадлежала престижная собственность в священных городах Варанаси и Аллахабад. Они подразделялись на аскетов, проживавших совместно и предававшихся молитве и духовной практике и тех, кто имел право жениться, приобретать землю и заниматься сельским хозяйством. Всю общину в целом возглавлял считавшийся высшим авторитетом *махант*, контролировавший жизнь общины, ее собствен-

5 Тантризм — совокупность религиозно-философских эзотерических традиций, распространенных в буддизме и индуизме. Последователи тантры претендуют на владение эффективным тайным путем обретения высшей цели — освобождения, или *мокши*, подчеркивая важность специальных инициаций. В народе тантрики воспринимались как чародеи, искусные целители, алхимики, знатоки скрытых сил природы.

ность и торговлю. Я много слышала и читала об этом месте, но случай посетить его представился лишь весной 2013 г.

Дорога от верхней Кангры до Нью-Дели занимает около восьми часов. Перед отъездом я попросила знакомого объяснить делейскому водителю кратчайший путь на равнину Панджаба. Беседовали они обстоятельно, добрых полчаса, и вот наконец мы покатали по далеко не гладким местным дорогам. Быстро мелькавшие повороты и небольшие селения сменились панорамой реки Беас, берега которой были усеяны паломниками. Их яркая праздничная одежда, преимущественно желтого цвета, указывала на особую торжественность момента (Илл. 26). Скорее всего, омовение составляло важную, но не единственную цель их путешествия: праздник, побудивший несколько тысяч деревенских жителей отправиться в паломничество, весьма значим для почитания Дурги, воинственной ипостаси Шакти, борющейся со злом и всегда побеждающей. Это один из главных праздников индуизма — **Навратри**, восхваляющий девять женских божественных воплощений. Мы проехали еще несколько десятков километров и оказались в переполненном толпами паломников городке. Водитель притормозил, пропуская людской поток, текущий под арку, предвещающую вход в индусские храмы. Повинуясь догадке, я уточнила: «Джваламукхи?» и, получив утвердительный ответ, попросила остановиться.

Когда мы с супругом подошли к арке, стало понятно, что шансов на посещение храма немного: дорога к святыне была запружена толпой паломников, продвигавшихся к храму черепашьим шагом (Илл. 28). Чтобы добраться до цели такими темпами, потребовалось бы часа полтора, а их у нас не было. Грустные размышления о том, что и на этот раз в храм попасть не удастся, прервал оклик: обернувшись, я увидела моторикшу, который, оживленно жестикулируя и радостно улыбаясь, обещал доставить нас на место одному ему известными путями за десять минут. Раздумывать было некогда, мы втиснулись на узкое сиденье и... дальнейшее

описать невозможно, разве что сравнить с известной сценой, когда Джеймс Бонд уходил от погони на моторикше в фильме «Осьминожка» (“*Octopussy*”. — *Ред.*). За долгие годы жизни в Индии мне многократно приходилось пользоваться этим видом транспорта, который наши туристы окрестили «тук-тук», но этот сумасшедший по скорости заезд по крутой, почти под 45 градусов узкой дорожке с разлетающимися в разные стороны из-под колес пешеходами, непостижимым образом успевавшими в последнюю секунду «прилепиться» к стенам домов, был уникален. Достигнув вершины храмовой горы действительно минут за пятнадцать, мы оказались перед первыми рядами паломников. Было неудобно перед людьми, несколько дней шедшими из деревень к этому священному месту, а потом поднимавшимися наверх в плотной очереди, однако неудобно было только нам: для них мы были просто *млеччха*, иностранцами, стоящими вне правил и не вписывающимися в привычный антураж. Моторикша перенаправил нас к знакомому храмовому служителю-*туджари*, и мы были немедленно допущены в основное, очень небольшое помещение округлой формы, расположенное под невысоким куполом. Стены его составляла горная порода, в небольших нишах горел огонь.

Таких огненных «язычков» или *джоити* в храме девять. Каждый из них имеет сакральное название и призван выполнять определенную божественную миссию: *махакали*, горящий в главном приделе храма, именуется Брахамджоити Джваламукхи. Считается, что он дарит верующим мирское процветание — *бхукти* и освобождение от бесконечного цикла рождений и смертей — *мукти*. Другой язычок огня — *аннапурна*, обеспечивает изобилие, *чанди* приносит победу над врагами, *хингладж* исцеляет болезни и одолевает эпидемии, *виндхьясини* избавляет от печалей и несчастий, *махалакшми* сулит благополучие и хороший урожай, *сарасвати* ниспосылает ученость и просвещение, *амбика* гарантирует рождение дочерей и сыновей, *анджана* дает долголетие и счастье.

Илл. 26. Паломники пересекают один из притоков реки Беас по пути к храму Джваламукхи

Илл. 27. Сотни тысяч верующих собираются ежегодно в паломничество в храм Джваламукхи на праздник Навратри

Илл. 28. Во внутреннем дворе храма Джваламукхи

Протянув руки к одному из *джоити*, я не почувствовала обычного жара. Между тем *пуджари* быстро направился к центру помещения, где находился спуск в небольшой скальный проем, где горел основной огонь — это и было место, куда по преданию упал язык Сати, своеобразная *гарбха гриха* (основное сакральное помещение индусских храмов), куда не имеет права спуститься никто кроме *пуджари*. Указав на место у металлической ограды, окружавшей *гарбха гриху*, он быстро прошел к священному огню, держа стаканчик, на четверть заполненный традиционным подношением — молоком. Поднеся его к огню, он молча протянул его мне. На поверхности молока синим пламенем горел огонек. Это необычное явление длилось не более десяти секунд. Я успела протянуть ладонь к огню — он не обжигал. Рядом как замороженная смотрела на это чудо древняя старушка, и я поразилась необыкновенной силе веры, которой светились ее глаза.

Английские путешественники У. Муркрофт и Дж. Требек пишут, что, когда служители храма Джваламукхи окропляют верующих водой, над которой некоторое время горело пламя, она неизменно оказывается холодной [Moorcroft, Trebeck, 1861, p. 76]. Современный историк Упадхья также сообщает, что наблюдал, как вода из священного Ганга, или молоко, налитое в невысокий стаканчик, закипала, когда их подносили к священному огню, но были совершенно холодными буквально в следующий момент, когда

жидкости разбрызгивались как благословение паломникам.

Остальная часть храмового комплекса была достаточно традиционна для многих индусских мест. Нарядный холл, примыкающий к святилищу, украшен фигурой Дурги (Илл. 29), восседающей на льве: именно она выбрана для персонификации священного огня. В соответствии с традицией, специальное помещение отведено богине для отдыха и сна, оно включает кровать под балдахином, необходимые принадлежности для утреннего туалета и одежду (сари и шали, украшения). В храме оборудовано еще несколько приделов, каждый из которых служит пристанищем популярных божеств индусского пантеона — Ганеши, Шивы в форме *лингама* и быка Нанди, Махакали, Бхайрава, Радхи и Кришны и Дурги. Нашлось место и для образа гуру Горакханта.

Часть помещений комплекса находится в ведении у *сиддхов*, последователей одного из оккультных направлений индуизма, обосновавшихся здесь еще в XV в. Впервые их представители появились в пограничных с долиной территориях еще в раннем средневековье, поэтому храм почитается верующими как *сиддха питха* — место, где могут быть обретены сверхъестественные силы. Посредниками между такими силами и людьми выступают представители низших каст: *хали*, *сипи* и *джоги*, которых обычно называют *чела*, что означает в гималайском регионе «шаман», «оракул». *Чела* до сих пор со-

Илл. 29. Джваламулхи поклоняются также в образе Дурги, занимающей в храме почетное место

храняют большое влияние на население. К помощи *чела* прибегают не только низшие касты и мусульмане (в частности, члены распространенной в западно-гималайском районе общины *гуджаров*), но и представители высших каст, в том числе брахманы. Считается, что во время житейских невзгод: болезней, неудач и прочих трудностей, наибольшую пользу приносят магические ритуалы, осуществляемые именно *чела*.

Поток пожертвований, поступающих в храмы, где практикуют *сиддхи*, чрезвычайно велик. Именно последнее нередко ведет к искусственной санскритизации этих мест, в результате которой они вливаются в общий поток храмов, подконтрольных более высоким кастам. В храме Джваламулхи большого статусного разрыва между практикующими *сиддхами* и исконными служителями из касты *бхаджки* не существует. Последняя образовалась от смешанных бра-

ков различных по своему социальному статусу каст — раджпутов, брахманов, *наи* и *джоги* и, следовательно, не может претендовать на высокий статус. И хотя *бхаджки* носят священный шнур, им позволительно употреблять в пищу мясо, пить вино, что не укладывается в чистоту высших каст, хотя и довольно типично для гималайского региона. В брак они вступают только с членами своей касты. Присутствие *сиддхов*, возможно, предопределило большой интерес, проявляемый к этому месту сикхской общиной: еще во времена ее основателя гуру Нанак *сиддхи* пользовались большой популярностью на равнинах Панджаба.

В наиболее сакральных местах в Индии не разрешается фотографировать. Иногда *пуджари* разрешают съемку (Илл. 30), но это не относится к храмам высшего порядка, подобным Джваламулхи. В ранние годы знакомства с Индией я пыта-

Илл. 30. Пуджари, сопровождавший нас при посещении храма

Илл. 31. Верующие в храме Джваламукхи поднимаются в верхние приделы

Илл. 32. Храм Джваламукхи венчает позолоченный купол, поднесенный святилищу сикхским махараджей Ранджит Сингхом

Илл. 33. На улочке возле храмового комплекса идет оживленная торговля атрибутикой, используемой верующими при поклонении божествам

лась снимать тайком, но полученные подпольным образом кадры оказывались засвеченными. Поэтому в Джваламукхи я фотографировала храмовые святыни за исключением *гарбха грихи*.

Внешне храм Джваламукхи ничем не примечателен: строгая архитектура, выдержанная в могольском стиле, гладкие, лишенные орнамента и скульптурных изображений беленые стены и характерный купол, венчающий строение. Перед зданием — мощный мрамором дворик и священное дерево (Илл. 31–32).

Вернемся напоследок к природе. Кроме запасов природного газа в окрестностях Джваламукхи находятся шесть минеральных источников. В XIX в. чиновники колониальной администрации пришли к выводу, что в их воде высокий процент пищевой соли и йода, поэтому местные жители издавна использовали ее для лечения широко распространенных в Индии болезней щитовидной железы. Но не природные богатства, даже значительные запасы метана, сформировали высочайший сакральный авторитет места, почитаемого с древнейших времен: остается что-то, ускользающее от измерительных приборов современного человека.

Индийские исследователи Гималаев не отрицают явления, не находящие рационального объяснения современной науке. Так, доктор Уша Банде из Индийского института приоритетных исследований в городе Шимла убеждена, что Джваламукхи — не просто уникальный исторический памятник и почитаемый в народе центр религиозного паломничества, но и место средоточия особой силы и мощной духовной энергии [Bande, 2006, p. 72–73].

Я не хотела бы конструировать искусственные теории для привлечения падких до мистицизма читателей, но не признавать особый статус подобных мест попросту неразумно: храмы нередко возводились в «местах силы»; обожествляемые на том же основании природные объекты также часто становились объектами поклонения — например, горный массив Манимахеш Кайлаш и озеро Ривалсар в штате Химачал-Прадеш. Список можно продолжать очень долго. В паломни-

чество отправляются не только адепты индуизма, но и последователи других конфессий, люди, придерживающиеся широких мировоззренческих взглядов — представители интеллигенции, ученые, общественные деятели и политики. Кого только не встретишь в индийских святых местах! Особую группу составляют многочисленные адепты автохтонных культов *пахари* или жителей гор. Именно священные места способствуют духовному объединению, сближению людей различных взглядов, верований и социального статуса. Храм Джваламукхи является именно таким местом. Его посещает в среднем около 500 тысяч человек в год, и каждый обретает здесь то, что ищет.

Наш краткий исторический экскурс позволяет сделать следующие выводы. Хотя многие древние храмы в Индии, в том числе Джваламукхи и Ваджешвари Девы, пройдя через горнило брахманизации и санскритизации, ныне по преимуществу являются индусскими в традиционном смысле этого понятия, в них, как и во многих других, расположенных в предгималайских регионах, сохраняются религиозные традиции и обрядовость доведийских культов, ритуалы, свойственные автохтонным верованиям и элементы тантрийской практики. Несмотря на то, что огонь является священной субстанцией в индуизме, храмов, где он олицетворяет главное божество, насчитываются буквально единицы. Помимо храма Джваламукхи в Кангре, это храмы Джавала Девы в Шактинагаре в штате Уттар-Прадеш и Джавала Май в деревне Мукинатх в районе Мустанг в Непале, а также, с известными оговорками, Сураханский атешгах неподалеку от Баку. В этом безусловно состоит уникальность описанного религиозного памятника.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Александрова Н. В. Сакральная топография Бодх-гаи и текстовая традиция. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2018. № 5. С. 38–

48 [Aleksandrova N. V. The Sacred Topography of Bodh-Gaya and Buddhist Narration. *Vestnik Instituta Vostokovedeniia RAN*. 2018. No. 5. Pp. 38–48].

Ригведа. Мандалы I–IV. Пер. Т. Я. Елизаренковой. Москва: Наука, 1989. — 418 с. [*Rig Veda. Mandalas I–IV*. Tr. by T. Ya. Elizarenkova. Moscow: Nauka, 1989. — 418 p. (in Russian)].

Balokhra Jag Mohan. *The Wonderland Himachal Pradesh. A Survey of the Geography, People, History, Administrative History, Art and Architecture, Culture and Economy*. Delhi: H. G. Publications, 1999. — 765 p.

Bande Usha. *Folk Traditions and Ecology in Himachal Pradesh*. Delhi: Indus Publishing House, 2006. — 175 p.

Cunningham A. *Report for the Year 1872–1873*. Vol. V. Calcutta: Archaeological Survey of India, 1875. — 205 p.

Gazetteer of the Kangra District. Part 1. Kangra 1883–1884. Delhi: Indus Publishing Company, 1994. — 144 p.

Handa O. C. *Buddhist Art & Antiquities of Himachal Pradesh up to 8th century A.D.* Delhi: Indus Publishing Company, 1994. — 248 p.

Jackson A. V. W. *Zoroaster, the Prophet of Ancient Iran*, New York, 1898. — 350 p.

Moorcroft W., Trebeck G. *Travels in the Himalayan Provinces of Hindustan and the Panjab from 1819 to 1825*. Vol. 1 London: John Murray, 1861. — 459 p.

Singh Mian Goverdhan. *History of Himachal Pradesh*. Delhi: Yugbodh Publishing House, 1982. — 212 p.

Sharma Mahesh. *The Realm of Faith. Subversion, Appropriation and Dominance in the Western Himalaya*. Shimla: Indian Institute of Advanced Studies, 2001. — 224 p.

Thakur M. R. *Folklore of Himachal Pradesh*. Delhi: Indus Publishing Company, 2006. — 240 p.

Upadhyay Neelmani. *Temples of Himachal Pradesh. Architectural, Sculptural, Religious and Cultural Significance*. Delhi: Indus Publishing Company, 2008. — 207 p.